

Вынос кумиров. Василий Васильевич Розанов

Вынос кумиров[1 - С большими сокращениями напечатано в «Нов. пути» под (искаженным в цензуре) заглавием «Политика Комба».]

Не сотвори себе кумира.

Второзаконие

История католицизма едва ли не занимает собою до половины европейскую историю. То сочувствием, то борьбой и противодействием она входит в историю государств, наук, искусства, даже войн — как завоевание Англии норманнами. Католицизм сплелся со всем. Только в нем, в силу особых исторических обстоятельств, мы наблюдаем христианство свободным, тогда как во всех других своих разветвлениях, во всех остальных странах оно является связанным, обусловленным, частью внутренне несмелым, придерживаемым за края одежд. Один папа и его слуги говорят открыто свою волю, перечая государствам, обществу, иногда игнорируя науку. До какой степени идеей свободы для себя, для «своих» проникнут католицизм, можно видеть из того, что священника католического не может лишить его сана даже папа: став еретиком, ренегатом, он не теряет «благодатных даров» однажды полученного священства. Это — царь без развенчания, вечный. Уже у мальчиков-семинаристов на макушке головы пробивается маленький, с величину монеты, кружок; и я не без удивления прочитал в католическом катехизисе, что это — очищенное от волос место для короны (тиары), общий знак всего католического духовенства. На этой неразрушимой царственности его членов основано одно мимолетное, но замечательное явление: на Западе теперь образовалось какое-то общество людей, служащих «черную обедню» («черную мессу»)… бесу, что ли, а всего вернее — какому-нибудь шуту и в каком-нибудь шутовстве. Ее как «мессу» может только служить священник, и это делает перебежчик, «продавший душу дьяволу». И администрация католическая об этом знает… но не чувствует себя в силах отнять у него священство. «Он удесятеренно ответит за это на том свете, он будет страшно судим как священник; но как именно священник, а не как частный человек; благодати священства он не может быть лишен ни в здешнем мире, ни в загробном». Это — последовательность. Католическая история сильна, ярка и последовательна. Тем интереснее она для наблюдения. Чтобы постигнуть поэзию, надо изучать поэта на воле, а не то чтобы слушать его темничные «воздыхания», не перечитывать главы из «I mei prisioni» (Сильвио Пеллико)… Такие-то «свободные песни» христианства мы и слушаем на Западе, в странах лиловых епископов и красных кардиналов.

Года три назад я пересекал Рижский залив. Пароход «Император Николай II» проходил по самой середине залива, мимо крошечного острова Руно, чуть-чуть видевшегося купами деревьев на водяном горизонте. Среди пассажиров слышался говор о нем:

— Он населен почти одичавшим населением, латышами ли или немцами. Они ловят рыбу и занимаются огородничеством. Только раз в год, в самую стужу зимы, они приезжают по льду в Ригу и, закупив что нужно на целый год, возвращаются. Так как остров мал и беден, то пароходы никогда туда не заходят, а владельцы острова не имеют ничего, кроме рыбачьих лодок, на которых нельзя отважиться в море. Поэтому никто их никогда не видит, не посещает, и они сами никого не видят, кроме Риги и рижан единственный раз в год.

Удивленный таким странным существованием, я спросил:

— Ну, однако, там есть исправник?

Я не умел сразу назвать другой должности и назвал первую, попавшую на ум, как бы защищаясь от идеи: «город без начальника», «страна без начальства».

— Ну, какой же там исправник, когда это поселок. Нет никого. Подати они привозят сами и исправно, когда бывают в Риге. С материка, нетуземец, там живет один только пастор; живет по самоотверженной любви к Богу и из жалости к человеку. Но и ему иногда приходится плохо.

— Плохо?

— Жители острова совершенно задичали, бесчинны, самоуправны и не понимают ни того, что такое религия, ни что такое Herr Pastor. И был однажды случай, что они его за что-то протаскили под лодкой.

Я не понял. Тогда мне объяснили ехавшие на пароходе немцы, что протаскивание под лодкой есть единственное практикующееся на острове, да и вообще в этих приморских местностях, где подичее, наказание. Оно состоит в том, что не нравящегося или провинившегося человека, какого у нас выслали бы из деревни по мирскому приговору, эти латыши берут на лодку, недалеко отъезжают от берега, спускают с борта в воду, захватывают с другого борта за ноги и, погружая в воду, протаскивают под днищем. Наказываемый захлебывается и вообще терпит много неприятного, но ничего опасного. Операция длится минуты полторы, и он в полной целости обратно отвозится на берег. Такую шутку проделали на острове Руно его жители со своим духовным отцом.

Я не мог не почувствовать впечатления от рассказа и все ежился, представляя себе, как это так тащат человека в полном костюме под днищем лодки. Затем я начал думать, чем бы это мог пастор раздражить таких Робинзонов, едва ли свирепых, ибо и самое наказание их похоже на школьную забаву; и остановился наконец на мысли: верно, он был добрый, но несколько педантичный, заботливый и фанатичный лютеранин-пиетист. Ничего в нем худого не было, но вся жизнь рыбаков ужасно не согласовалась, не соответствовала формами и духом своим его отвлеченному и вместе упорному проповедничеству. И они с чувством надоедливости, как великовозрастные шалуны, выкупали его. Вышла краткая реплика в ответ, может быть, на целый год возвышенного и одушевленного красноречия.

Потом я в книге прочел о фактах в Пруссии, в сущности не так далеких от происшествия на Руно:

«Упадок церковной жизни необыкновенно велик, — писал в конце минувшего века берлинский суперинтендант в пастырском послании к подчиненному духовенству. — Множество церквей посещается лишь немногими, и большинство населения заботится исключительно о временном и земном. Молитва в домах замолкла. Слово Божие не читается и еще менее исполняется. Число некрещеных детей и

Демаркационная линия, разделяющая Бога и пасторство, стерлась до «нет». Но она стерлась в сознании пасторства, или чрезвычайно близких к нему частей населения, но не стерлась в поле зрения всех, кто стоит сколько-нибудь поодаль. «Будете яко божи» — этот соблазн Змия-Искусителя Еве незаметно в веках, но очень полно к концу веков осуществился. А изгнание конгрегаций тоже бессознательно, но едва ли оспоримо является реакцией к восстановлению строгого монотеизма, как вынос «статуй Ваалов и Астарт» из Соломонова храма, какое время от времени совершали реставраторы чистоты библейской веры, цари и первосвященники. «У нас нет других богов, кроме Бога, а как вы соделали себя богами и требуете поклонения себе, отношения к себе, вовсе не подобающего людям смертным и ограниченным и грешным, то мы не хотим вас более, просто не хотим вашего присутствия. Вы как экран принимаете на себя молитвы наши. Вы застенили (стали стеною) от нас Бога. Но мы хотим видеть Бога и отодвигаем экран, вас».

Вот самая сердцевина дела. Она лежит в глубоких неосторожностях, вековых, тысячелетних, допущенных в обращении с понятием «служитель Божий» и «благодать». Что такое «служитель Божий»? Ну, «служи». Но не требуй себе служения, которое принадлежит и причастствует одному Богу. Служитель и имеет отношение к Тому Одному, Кому он служит. Больше ни к кому и ни к чему, к людям, к миру, к государству он отношения не имеет, иначе как дружелюбия, равенства, одинаковости природы. «Первосвященник» Соломонова храма выбирался, был временен; они чередовались, как еще во времена Иисуса, Каиафы и Анны. А папа любит отождествлять себя с ветхозаветными первосвященниками. Садок, первосвященник израильский, был низложен юношей Соломоном при самом его восшествии на престол и не жаловался, не роптал, и Соломон не был Богом за это наказан, а, напротив, Бог говорил ему в известном видении слова Свои и наставления. Таким образом, в бесспорном и истинном богослужении, каково было Ветхозаветное, служитель Божий, применяя терминологию Ницше, не становился «сверхчеловеком». Мы употребили термин Ницше не без антипатии, единственно чтобы выпукло объяснить читателю мысль свою. Произошло нарушение трех заповедей: «Да не будут тебе божи, инии разве Мене», «не сотвори себе кумира», «не приемли имени Господа Бога твоего всуе». Отмена-то этих трех заповедей и образует почти все тело католицизма, всю его реальную и положительную ткань, так что остающихся семи заповедей и нащупать нельзя сквозь покров отвергнутых этих трех. Едва все рванулись к чистому монотеизму, к «Аз есмь Господь Бог твой», как потянули одежду, много или мало, но непременно потянули царственный пурпур с живого и со всех умерших пап и до последнего приходского каноника. Все они стоят «иными богами», «драгоценными кумирами», перед которыми в храмах возжигаются лампы, свечи, кадится фимиам. Сколько бы ни говорили, что это «в аллегорическом смысле», «по заимствованному от Бога света», «потому что они (почившие святые католичества) суть посредники», и что кланяются их изображениям все же не так низко, как Богу, это все будут смягчения, оговорки, софизмы; ваалы и астарты не допускались Богом около себя ни в качестве младших братьев Иеговы, ни племянников, ни товарищей, ни даже служителей просто — никак. Бог и человек, Solus Deus, solus homo[4 - Один Бог, один человек (лат.)], и все человеки перед Богом уравниваются в пылеобразной малости своей. Тут-то лежит условие свободы человека, ужасно важное для земли условие. Однажды и навсегда для человека есть единая господствующая и абсолютная точка: Бог. Между тем в католичестве человек обусловлен не одной, а мириадами точек; ограничен не вообще и отдаленно, а тесно и до последних подробностей, до задыхания. Он слушает не одну струну, а тысячи струн. Молитва, внимание его рассеяны: некогда и подумать о Боге — столько духовенства. Разве не священник был Авраам? С ним Бог «заключил союз»: кажется, после такого «посвящения» он должен бы покинуть и дуб мамврийский, и Сарру, и стада и одеться в какой-нибудь усеянный звездами хитон. Но этого не случилось. Как был Авраам до завета пастухом и мужем, так мужем и пастухом остался и после завета. Можно ли было не стать первосвященником или не надеть ризы законодателя или псалмопевцу? Но последний оставался семьянином и воином, а первый чисто храмовую и служебную должность первосвященника отдал брату. Никакой магии на Аароне не лежало: он не отколулнул от Бога частицы и не прирепил ее на себя, он был монотеист, т. е. совершенно простой, частный человек, «дяденька» каждому жиду в пустыне. Апостол Павел не убрался в хламиду и не надел тиару, а был просто странником, странствующим учителем; а Петр продолжал оставаться рыбаком, будучи учеником Спасителя, избранным, «апостолом». Монотеизм и в Новом Завете не разрушался, как и в Ветхом. Были там «чреды» служб, чреды «священничества»; но «священник» помогал первосвященнику держать заколаемого в жертву козла, или собирал в чашу его кровь, или кропил кровью, или кадил; то, что у нас делают «служители храма», «причетники», трудящиеся почти физически, без всякой магии в себе.

От Бога идут лучи, содействующие светлыми в всех человеков; и как Давид в одном псалме называет людей (всех) «сынами Божиими», так в Новом Завете упоминается, что все люди суть «священники». Богоусыновленность человечества и священство мира есть самая дорогая часть религии; потому я и в «religio», что через сыновность и священство нахожусь in religione, «в соединении, связи» с Богом. Какая же это есть моя «религия», когда я только смерд, чисто светская вещь, какая-то рациональная, гладкая; а непостижимость существа и связь с Богом, «religio», начинается лишь с каноника, одетого придуманнее и избраннее, чем ап. Петр, Моисей и Авраам. Я сказал, что монотеизм потянул бы одежды со всего католического священства; обратно: насколько оно существует — оно потянуло сияние с Бога, а затем и красоту, святость с мира, с человечества. Человек остался нагим, санкюлотом, без связи с Богом. Что такое Бог в отличие от человека? что такое божественное? Опять прибегаю к языку крупных слов, чтобы сделать мысль свою понятнее. Бог — магия, божественное — магично; а человеческое — просто. Конечно, «магии», т. е. языческого понятия, я не хочу приписать нашему Богу; моя мысль состоит в том, что сверхъестественное и естественное разделяют и очерчивают божеское и человеческое. Вот эту-то долю «сверхъестественного», «магического» и приписало себе духовенство (католическое и всякое христианское). Незаметно в веках (для себя незаметно) оно стало как малые маги, как помогающие маги около великого мага-Бога, естественно, по этой концепции несколько беспомощного. Часть Его существа и свойств они перенесли на себя; они отколулнули что-то от Бога. «Бога» стало меньше в мире от патеров. Но сия «магия» не истинная, и сколько ни стало «богов», «кумиров» перед человечеством, «вера в единого Бога» в человечестве стала с тех пор неудержимо гаснуть. Все ее ищут, но нигде не находят. Пелена тумана протянулась по небесному; солнца стало не видно; на земле сделалось темно.

Все поступки Франции против католицизма, как и Италии, конечно, грубы, плоски, безвкусны. Эти полицейские сержанты, конвоирующие монахинь, — отвратительны. Но есть, всегда есть «raison d'être»[5 - «смысл» (фр.)] и в грубом. Есть «идея волоса» (мелкого, пошлого), как говорил Платон. Конечно, католическое духовенство уже самогипнотизировалось в веках, в тысячу лет; оно немножечко «почувствовало себя Богом» и ведет себя гордо и смело, «царственно» — соответственно этому самовнушению. Французские полицейские ведут себя замечательно не «царственно». Но ведь в этом и состояла самая суть явления, что, чем более навивалось священство и царственная красота на духовенство, тем более это священство и величие свивалось с людей «не духовных», пока оно очутилось простым «санкюлотом», «варваром». Когда этот процесс дошел до конца, санкюлот и начал поступать со священниками по-«санкюлотски», ничего в них не замечая, просто — ничего не чувствуя. Они сдернули красоту с мира. Дивиться ли, что мир стал безобразен? На кого им жаловаться?! Они сами выделали себе палача, беспощадного, потому что он глух ко всему святому, священному.

Вот почему, так сказать, «безбожие» светских государств Европы — не вечное. Они только отдохнут от «богов» и возвратятся к Богу (Единому); но к «католичеству» уже никогда не вернуться, не вернуться вообще к «магическому» на земле и в человеке. Что такое «кафоличность»? Универсальность. Образуют ли «тело церковное» народы? На прямой этот вопрос все скажут — «да»! Но вот проверка этой кафоличности. Известно, что папа, раньше чем избраться кардиналами, выбирался народом — да, прямо чернью! криками горожан римских! Вот если бы вместо «завтраков бедным» папа сказал: «я в союзе с народом и хочу быть любимым от народа пастырем, а ради этого распускаю дипломатическую канцелярию — и пусть меня по-прежнему, по-древнему выбирает добрый римский народ». Тогда в демократизм его можно было бы серьезно поверить. Скажут: «невозможно, трудно», но «разве есть что невозможного для Бога»? На то есть «магическое» в истории, «сверхъестественное». Если бы Лев XIII, распустив или понизив коллегия кардиналов, «непогрешимо ex cathedra» изрек: «преемник мне да будет избран добрыми римлянами, моими возлюбленными детьми», то он тотчас же от ложной и иллюзионной магии, поднявшейся до неба, и перешел бы в настоящее «священство», не большое, не высокое, но подлинное. «На всех людей падает по лучу от Бога, а на меня — два луча». Это вовсе не то что сказать «на меня падают все лучи от Бога, а на человечество — ни одного».

Нужно отменить «Index librorum»[6 - Список запрещенных духовной цензурой книг (лат.)] — вот «свобода». Надо отлучить от теперешней церкви всех инициаторов инквизиции, тогда и Франция, и Италия воскликнут: «Мы слышим голос нашего возлюбленного отца!» Вот соединение с человечеством. Не для чего «аллегорически» омыwać нищим ноги в такой-то торжественный день в торжественной церемонии: надо просто-напросто в точности начать омыwać ноги человечеству. Ибо ноги эти — усталые, ибо ноги эти изъязвленные. Тогда он (Лев XIII) может молиться усерднее Франциска Ассизского; и без дружбы с Либкнехтом народные массы от Лабы до Сены закричат: «Он сошел к нам, он среди нас, он наш». И как для папы ни один блузник не перекрестится и тем гордо и честно выдерживает свою, может быть, минутную природу, убеждение, предрассудок, так папа пусть молится св. Марии с прежним тысячелетним усердием, вовсе не подражая блузнику. А то делаются попытки к какому-то взаимному переодеванию: «я немножко переодеюсь блузником, — ну, чуть-чуть, для виду; и пусть обратно блузник читает каждый день по разу Ave Maria, да громко читает, чтобы это короли и министры слышали». Но эта «комедия переодеваний» как бы не перешла, да уж и переходит, в «комедию ошибок».

*

Мне хочется вернуться от тяжелых французских событий к более мирной сцене в Вестфалии, переданной московским ученым. Ну а что, если бы пастор, выслушав холодный, но не враждебный ответ старика рабочего, не повернул спину к нему и не пошел «докладывать о виденном» (а в сущности — о «ничего не виденном») берлинскому суперинтенданту, а вместо этого сказал бы: «я не хочу вас учить, но хочу вас увидеть, как брат брата, на полном равенстве», — и вошел туда. Что же бы он там увидел?! Нам недосказан факт, и недосказан в любопытнейшей своей части. Дело в том (и здесь причина всего «разделения сил», «шапки врозь» человечества), что пастор пришел в точности только со своим и только для своего, без малейшего любопытства собственно к человеку, к деревне, куда он пришел. И от этого эгоизма (столь явного) деревня эгоистически отвернулась. Но пусть эгоизм отложен, за околицей деревни пастор оставляет весь ящик наставительных книг и идет туда один как зритель (по проф. Беляеву) «наступающего царства Антихриста». Можно быть уверенным, это слышится из всего тона речи старика представителя, речи сдержанной и представительства скромного, что он вовсе не увидел бы там зрелища буйной и пьяной улицы, парней «под ручку» с пятью-шестью «растерзанными девицами» и вообще не увидел бы довольно знакомых нам картин, пример которых я приведу, ну, хоть из следующей газетной вырезки:

«В день Троицы в нашей местности, в деревне Гречина Гора, собрались по обычаю человек 200 мужиков, баб, парней и девушек. Пелись скабрзные песни, разгул был полный. Пьяные мужики начали установ-лять какие-то межи и подрались. Один молодой парень разделся донага и непозволительно вел себя по отношению к сельским девушкам. Безобразника едва не закололи вилами. А в соседней деревне Стохнове разгулявшиеся парни разломали по дороге изгороди, вынесли из избы квашню с тестом и посадили в нее старика» (из «Биржев. Введом.», сообщение «Из мест. Жигова», г. Ив-ского).

Такой случай не занесен и не занесет как «знамение пришествия Антихриста» г. Беляев в свою тысячелистную, внимательную книгу. Т. е. почему же не занесет? Обыкновенно, привыкли, так всегда было, и ничего тут нового нет, как есть новое в докладе пастора об отказе принять его Вестфальскою деревнею. Но в деревне явная тишина, спокойствие, благообразие; как и на острове Руно, где без исправника и при одном пасторе, без свидетелей целый год, жители перерезали бы друг друга, заведи они первую же ссору, подними кто-нибудь на кого-нибудь первый руку. Есть такие условия полной свободы и уединения, где или полная тишина, или всеобщее и быстрое каннибальство. Но если на Руно с незапамятных времен, может быть еще до ливонских рыцарей, рыбачили, как рыбачат сейчас, то вероятнее, что там пронеслись века, не возмущенные и легким ветерком «нравов». Во всяком случае там не сердились так сильно, как папа в следующем официальном документе:

«На днях «Messenger de Bruxelles» сообщил, что Леон Таксиль отлучен папой от церкви. Текст этого отлучения сохранил средневековый характер:

«Во имя всемогущего Бога-Отца, Сына и Святого Духа, Священного Писания, святой и беспорочной Девы Марии, Матери Бога, во имя всех славных добродетелью ангелов, архангелов, престолов, могуществ, херувимов, серафимов, во имя патриархов, пророков, евангелистов, святых преподобных, мучеников и исповедников и всех прочих, спасенных Господом, Мы провозглашаем, что отлучаем от церкви и анафематствуем того злодея, который именуется Леоном Таксиль, и изгоняем его от дверей Святой Божьей церкви.

И Бог-Отец, который сотворил мир, его проклинает; и Бог-Сын, который пострадал за людей, его проклинает; и Святой Дух, который возродил людей крещением, его проклинает; и святая вера, которой искупил нас Христос, его проклинает. И Святая Дева, Мать Божия, его проклинает. И святой Михаил, ходатай душ, его проклинает. И небо, и земля, и все, что на них заключается святого, его проклинает. Да будет он проклят всюду, где бы он ни находился; в доме, в поле, на большой дороге, на лестнице, в пустыне и даже на пороге церкви.

Да будет проклят он в жизни и в час смерти. Да будет проклят он во всех делах его, когда он пьет, когда он ест, когда он алкает и жаждет, когда он постится, когда он спит или когда он бодрствует, когда гуляет или когда отдыхает, когда он сидит или лежит, когда он ест, когда он раненый, когда истекает кровью.

Да будет проклят он во всех частях своего тела, внутренних и внешних.

Да будет проклят волос его и мозг его, мозжечок его, виски его, лоб его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, нос его, кисти рук и руки его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудок его, внутренность его, поясница его, пах его, бедра его, колени его, ноги его, ногти его.

Да будет проклят во всех суставах членов его. Чтобы болезни грызли его от макушки головы до подошвы ног.

Чтобы Христос, Сын Бога живого, проклял его всем своим могуществом и величием. И чтобы небо и все живые силы обратились на него, чтобы проклинать до тех пор, пока не даст он нам открытого покаяния. Аминь. Да будет так, да будет так. Аминь»».

Заметьте, что это формула древняя, т. е. тоже в своем роде привычная, как и «праздничный разгул» в наших деревнях: и ее также не пришло бы на ум проф. Беляеву внести в рубрику «особенно ясных свидетельств близящегося царства Антихриста», да и если он будет издавать вторым изданием свою книгу или напишет к ней второй том, он не последует моему указанию и не занесет ее в «признаки». То есть это ему не представляется, как и шутки мужиков наших, антибожественным[7 - Как для нас «Христос» есть Бог и даже весь Бог (при крайне ослабленном, только нумерационном, представлении Отца и Св. Духа), то, очевидно, термин «Антихрист» есть Вне-Бог, Без-Бога; а «знаки Антихристового царства», «Антихристового пришествия» суть знаки или проявления особенно специфического и яркого вне-божеского порядка, безбожного духа. Но ни проклятия папы, ни пьянство и дебош Руси богословами не обоняются как что-то характерно «вне-божеское».]. С этой точки зрения вся его книга может быть принята как-то «наоборот». Ему не кажется антибожественным то, что явно анти-божественно; а рабочим в Вестфалии, да может быть и французам, «потребовавшим удаления конгрегаций», может быть, давно уже кажется «анти-божественным» то, что проф. Беляеву кажется так просто, обыкновенно и «простительно». Невозможно не заметить, что начало «как бы светопреставления» относится всеми духовными к моменту выпада власти из их рук, к падению авторитета их; в последнем анализе — сведение их к простоте и ясности «раба Божия Моисея, кротчайшего из людей», «странников Петра и Павла», «первосвященника Садока», которые служили, все служили, но Единому Богу (тогда еще единому), и служили плечо с плечом с людьми, не получая поклонения себе от них. Но я вернусь к вестфальским рабочим, да и к более общей судьбе Франции. Что же осталось им, что же останется? Пройдут десятилетия, может быть, два-три века действительной пустынности или малорослости души; специально доселе и уже давно, тысячу лет атрофированные. Описывают зоологи, что в пещерных озерах, вечно темных, у рыбы есть глаза, но они не видят. У европейского человечества, у души европейской есть почти несомненно множество таких же еще «закрытых» способностей, зачаточных или подавленных сил, главным образом — в отношении к природе, но также — и Бога, которым проснуться возможно и которые проснутся. Рыбы, вынесенные из такого вечно темного озера, индивидуально, может быть, и умрут незрячими; но в дальнейших генерациях зачаточный глаз — увидит. «Мы не веруем в Бога и не желаем ничего знать о Нем» — этот ответ вестфальца есть только за себя ответ; ну — за своего сына, наконец — внука; но не за внука этого внука. Шевельнутся ростки души, теперь совершенно невидные. Кто знает, как будет внук его внука смотреть на зеленеющее дерево? Мне пришлось прочесть об «безбожной Франции» известие, которое тронуло меня в Петербурге, потому что здесь оно невозможно; самые бедные парижане, вот такого же достатка, как и вестфалец-рабочий, целой семьей (всегда семьей) выбирают за город, отъезжают несколько станций по железной дороге и, забравшись в лес или расположившись на лугу, имея привезенную с собой провизию, проводят целый день среди зелени. Это — характерно. Известно, до какой степени оголены от растительности наши несчастные великорусские деревни и села. Сказать, что у крестьян нет ни времени, ни сил посадить дерево, — невозможно уже оттого, что находят же они время посадить старика в опару. Но чувства природы и зелени совершенно нет у него, и это я не могу не связывать чуть ли не с «природным» его алкоголизмом, как и с «разгулом 200 мужиков» до такой степени удали, что один парень показал себя голым девицам. Природа трезва, чиста и деликатна; а вместе — она и возбуждательна, живительна. Посадить дерево, раскинуться семьей на лугу — это все равно как потянуть вина из тонкого горлышка древнего сосуда, но вина благородного, не отравляющего. Алкоголизм и отсутствие зелени в наших селах я считаю застарелыми «знамениями пришествия Антихристового»; ибо это явно антибожественно; да и дикий вид деревни, описанной выше, являет полное забвение Бога, хотя бы они и «клялись Богом» пьяными устами. В вестфальской деревне — тишина; у нас — гам. Что зреет в тиши, что готовится в гаме — никто этого не знает. Но верится и даже веруется, что там в тишине, в благообразии вызреет, ну, пусть через века — но, однако, вызреет слово, понятие, образ «Бог»; вызреет и молитва к Нему, ну — пусть новая, необычайная. Что-нибудь вроде лепета первых латинов о Dii Lares[9 - Ларах, богах домашнего очага (лат.)]. А около квашни с посаженным в нее стариком, как и около исключительного гнева папы, все будет ломаться, меньшеиться, опадать до совершенной пустыни, до непереносимого голода.

Примечания

- 1 С большими сокращениями напечатано в «Нов. пути» под (искаженным в цензуре) заглавием «Политика Комба».
- 2 Цитаты, заимствованные мною из сочинений проф. Беляева: «О безбожии и антихристе», 1898 г., огромная книга эта в 1040 страниц изобилует многими любопытными фактами.
- 3 Высшее существо (фр.).
- 4 Один Бог, один человек (лат.).
- 5 «смысл» (фр.).
- 6 Список запрещенных духовной цензурой книг (лат.).
- 7 Как для нас «Христос» есть Бог и даже весь Бог (при крайне ослабленном, только нумерационном, представлении Отца и Св. Духа), то, очевидно, термин «Антихрист» есть Вне-Бог, Без-Бога; а «знаки Антихристового царства», «Антихристового пришествия» суть знаки или проявления особенно специфического и яркого вне-божеского порядка, безбожного духа. Но ни проклятия папы, ни пьянство и дебош Руси богословами не обоняются как что-то характерно «вне-божеское».
- 8 Средневековье (фр., нем.).
- 9 Ларах, богах домашнего очага (лат.).